

2021-11-13 Газета "Правда". Признать всю правду социализма

Идеи Великого Октября и русская духовная традиция.

Со времени «перестройки» и поныне у врагов советского прошлого в ходу обвинение Ленина и большевиков в том, что те идеи социализма, путь к воплощению которых в жизнь проложила Великая Октябрьская социалистическая революция, были принесены российскими марксистами с Запада, и они, эти идеи, явились насилием над русским менталитетом, поскольку противоречили русским духовным традициям. Насколько это утверждение соответствует истине?

Владимир Ильич Ленин видел цель революционной социал-демократии не только в свержении монархии, но и в смене капиталистического строя социалистическим.

Но ведь капитализм как раз и был органически чужд русским традициям и самому русскому образу мышления. «Экспериментальным» подтверждением этого тезиса можно считать Столыпинскую реформу. Она была нацелена на дальнейшее развитие капитализма в России, и в первую очередь — на преобразование на его основе сельского хозяйства. Для этого нужно было разрушить крестьянскую общину. Однако, несмотря на то, что Столыпин проводил свою реформу очень жёсткими методами, из общины, по данным органов правопорядка России того времени, вышло только примерно 10% крестьянских хозяйств.

В целом не принимала принципов капитализма и русская общественная мысль. Лев Толстой чрезвычайно резко осудил Столыпина. Письмо Льва Николаевича Столыпину цитируется достаточно часто, но, как правило, в той части, где писатель осуждает методы главы правительства. А ведь он осуждает и его цели: «Вы... не только не вводите какое-либо такое новое устройство, которое могло бы улучшить общее

состояние людей, но вводите в одном, в самом важном вопросе жизни людей — в отношении их к земле — самое грубое, нелепое утверждение того, зло чего уже чувствуется всем миром и которое неизбежно должно быть разрушено — земельная собственность. Ведь то, что делается теперь с этим нелепым законом 9-го ноября, имеющим целью оправдание земельной собственности и не имеющим за себя никакого разумного довода, как только то, что это самое существует в Европе...».

Резко выступал против утверждения принципов капитализма в жизни России и писатель М.Е. Салтыков-Щедрин: «Всю общественную ниву заполонило хищничество, всю её, вдоль и поперёк, изборозило оно своим проклятым плугом». Не о народе, а именно о нарождающемся капиталисте Михаил Евграфович говорил: «Идёт чумазый!», идёт «с неутолимой алчностью глотать, глотать, глотать!»

Капитализм вызывал неприятие и у русских религиозных философов, которые были противниками ленинцев. «Детищем истребляющей и пожирающей похоти» называл капитализм Николай Бердяев. Он писал: «Та степень свободы зла, свободы греховной похоти, которая определяет жизнь буржуазно-демократического общества, этически не может быть терпима». Говорил он и о том, что не может быть терпим строй, «основанный на превращении человека в... вещь, которую можно продавать или покупать». Как тут не вспомнить ленинские строки из фундаментальной работы «Что делать?», определившей стратегию развития революционного движения в России. Владимир Ильич подчёркивал, что нужно бороться «не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам».

Не менее жёстко критиковал капитализм и Сергей Булгаков: «Никогда ещё в истории не проповедовалось и не проводилось в жизнь такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне... Если по духовной природе своей капитализм в значительной степени является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии».

Резкое осуждение принципов капитализма можно найти и у Николая Фёдорова, и у Владимира Соловьёва, и у других известных религиозных философов. Некоторые из них прямо солидаризировались в этом с российскими марксистами: «Одним словом, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализм прав в своей критике капитализма. В этом смысле надо прямо и решительно признать всю правду социализма», — писал Сергей Булгаков.

Почему же религиозные философы оказались «по разные стороны баррикад» (случалось, что и в прямом смысле) с большевиками, ставящими своей целью социалистическую революцию? Тот же Сергей Булгаков писал: «Мы все теперь социалисты. Различие относится к пониманию практических вопросов». Рассмотрим эти различия как раз на его примере.

Знакомство с работой Булгакова «Христианство и социализм» даёт основания для однозначного вывода: корень противоречия между русскими социалистами-марксистами и религиозными философами, дружно критикующими капитализм, в том, что первые были материалистами, а вторые — идеалистами.

Так, Булгаков весьма иронически относится к положению учения Маркса, что социальное бытие определяет социальное сознание, сводя его к чисто обывательскому представлению: человек «есть то, что он ест». Между тем и Маркс, и его российские последователи (например, Сталин писал об этом ещё в начале XX века) утверждали совершенно иное: обязательным условием духовного освобождения человека является изменение социально-экономической системы, во главу угла которой поставлена погоня за прибылью. Впрочем, у Булгакова вызывает неприятие материализм не только у марксистов, но и у Томаса Мора, считавшего, что справедливое общество невозможно создать без упразднения частной собственности.

В полемическом запале философ, пытающийся противопоставить марксизму христианство, не замечает, что опровергает он не только Маркса, но и Христа, который утверждал: «Не можете служить и Богу, и маммоне» и «Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником».

Замечу, что, Булгаков, критикуя и капитализм, и марксистский социализм, сам не предлагает никаких конкретных социально-экономических преобразований капиталистического строя. Идею: «Пусть социалисты становятся христианами, тем самым социализм, как и вся наша жизнь, будет делаться христианским», — вряд ли можно всерьёз счесть за путь борьбы с капитализмом.

Булгаков утверждает, будто «свобода от хозяйства составляет мечту социализма», и пишет, что «нужно не только хозяйственно, но и духовно дорасти до короткого рабочего

дня, умея достаточно употребить освобождающийся досуг».

Нельзя не согласиться с философом в том, что предоставление человеку значительного свободного времени может быть не только благом, но и злом. Для человека с примитивными духовными запросами свободное время действительно может стать «источником деморализации». Но разве марксизм-ленинизм и в самом деле предлагает то, что приписывает ему философ? Ни Маркс, ни его русские последователи не говорили о стремлении к свободе от хозяйства — они ставили задачу освобождения людей от экономического рабства, присущего капитализму. И видели в этом отнюдь не «освобождение» от труда и предоставление возможности жить празднично (именно такое использование свободного времени ведёт к деморализации), а необходимое условие для развития личности и реализации её творческого потенциала в труде на общее благо, который станет внутренней потребностью человека.

Это краеугольный камень марксистских представлений о новом обществе, который позже положил в основу своего проекта социалистического строительства Сталин. А вот Булгакова мысль о том, что труд может стать духовной потребностью человека, вообще не посещает.

Неверие философа в марксистскую цель развития человека, вероятно, объясняется принципиальным неверием Булгакова в самого человека. «Социалистическое учение о человеке... имеет в основе своей веру в беспредельную способность человеческой природы к совершенствованию, если только она поставлена в соответствующие условия», — вполне резонно замечает он, однако сам убеждён в том, что в природе человека коренятся «порча и зло», и только «сверхъестественная помощь» религии способна их преодолеть. Здесь он вступает уже в противоречие не только с Марксом, Лениным и Сталиным, но и с христианским философом Львом Толстым. Толстой был убеждён, что сущность приобщения человека к учению Христа как раз и состоит во всё большем совершенствовании человека, в его приближении к тому идеалу, который олицетворяет Христос, и религиозный культ, с точки зрения Льва Николаевича, не помогает такому совершенствованию, а препятствует ему.

О противоречиях между булгаковским христианством и марксистским социализмом, выявившихся в работе «Христианство и социализм», можно говорить ещё много. Но, думается, и того, что сказано, достаточно, чтобы понять, почему Булгаков, столь резкий критик капитализма, в период между Февральской и Октябрьской революциями стал активным политическим союзником защитников капиталистического строя.

Будем справедливы: в этом он среди русских религиозных философов оказался скорее исключением, чем правилом. Общим же для всех них было то, что, солидаризуясь с марксистами в критике капитализма, они не признавали предложенную Марксом и развитую в конкретном приложении к российской действительности Лениным идею перехода от капиталистического общества к социалистическому и методы её осуществления.

В принципе, это даёт какие-то основания утверждать, что критика социалистами-марксистами капиталистического общества соответствовала русским духовным традициям, а вот конструктивная часть их взглядов — нет. Дело, однако, в том, что противники проекта социалистического переустройства общества, предложенного ленинцами, сами не смогли предложить (здесь Булгаков уже не исключение) никакого другого хоть сколько-нибудь реального пути, ведущего к более совершенной социально-экономической системе. Скажем, предложенное Бердяевым «Новое Средневековье» вряд ли можно им счесть. Таким образом, в этом отношении русские социалисты-марксисты не выступали против русской духовной традиции, они просто заполнили вакуум в этой области русской общественной мысли.

Благотворность социалистических идей переустройства общества, путь к осуществлению которых открыл Великий Октябрь, очень убедительно доказала сама жизнь. Строительство социализма на основе принципов марксизма-ленинизма не только позволило Советской державе за десятилетие преодолеть вековое отставание от ведущих капиталистических государств в экономическом развитии, но и добиться не менее впечатляющего прогресса в духовной сфере. Достижения в ней вызывали восхищение многих зарубежных интеллигентов.

Индийский писатель Рабиндранат Тагор, познакомившись с жизнью нашей страны в 1930 году, пришёл к заключению: «Экономически они ещё очень слабы, но зато их духовная мощь неизмерима». Итальянский режиссёр Федерико Феллини, побывав в СССР в 1963 году, писал, что в нашей стране он ощущал «христианское чувство бытия». Французский литератор и философ Жан-Поль Сартр примерно в то же время утверждал, что Советский Союз — «единственная страна, где слово «прогресс» имеет смысл». «Духовность — сильнейшее оружие России», — считал швейцарский писатель Фридрих Дюрренматт... Подобных высказываний можно привести немало. Уже после гибели СССР Международный комитет солидарности с народами России принял обращение (Женева, 1999 г.), которое напомнило миру, что в Советском Союзе были «уровень образования, которому все завидовали», и «поразительная культура».

XX век доказал не только огромные возможности подлинно социалистического общества. Доказал он и то, что только тот путь, который проложили большевики после победы Великой Октябрьской социалистической революции, может привести человечество к лучшему будущему.

Многие авторитетные специалисты — философы, социологи, экономисты — пришли к выводу, что капиталистический путь развития имеет тупиковый характер. Этот вывод подтвердило и математическое моделирование развития цивилизации в русле капитализма, осуществлённое учёными США в 1970-е годы. В конце концов и конференция ООН на высшем уровне, прошедшая в 1992 году в Рио-де-Жанейро, признала, что капиталистическая модель производства и потребления «поставила человечество на грань выживания».

Большинство этих специалистов отвергали такое переустройство общества, которое было осуществлено в Советском Союзе при Сталине (вероятно, немалую роль в этом сыграл незабвенный Никита Сергеевич Хрущёв с его «преодолением последствий культа личности»). Они пытались найти возможности «гуманного» эволюционного реформирования капитализма. И результаты их поиска оказались близки к нулю, поскольку при сохранении основополагающих принципов капиталистической системы их рекомендации носили чисто идеалистический характер, вроде «перевоспитания» деньги имущих с помощью «живой этики». В том же духе была и знаменитая «концепция устойчивого развития», принятая конференцией в Рио.

Закономерно, что все рекомендации по выходу из тупика по какому-то «третьему пути» оказались бесплодными. Капиталистический «волк» никак не желал внять благим увещаниям и превратиться в Санта-Клауса, щедро раздающего подарки бедным людям и бедным странам.

Вместо гуманизации мирового порядка правители ведущих капиталистических государств сразу же после уничтожения СССР начали с inferнальной жестокостью утверждать такой мировой порядок, при котором сверхвысокий уровень потребления в государствах «золотого миллиарда» оплачивается нищетой и голодом сотен миллионов людей в других странах.

В результате, как констатировал в 2009 году Фидель Кастро, на планете уже складывается положение, «не совместимое с жизнью человечества».

Виктор ВАСИЛЕНКО. г. Белгород.□